

КАТЯ САРГАЕВА

ГЛУПЫЕ ЛЮДИ

Катя Саргаева

Глупые люди

«Издательские решения»

Саргаева К.

Глупые люди / К. Саргаева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965865-4

В этой книге три рассказа, все они совершенно разные, но объединены одной темой — человеческой глупостью, не глобальной, а ежедневной. Люди считают себя высшим разумом, венцом творения природы, апогеем развития, но это совсем не так.

ISBN 978-5-44-965865-4

© Саргаева К.
© Издательские решения

Содержание

Во всем виноват холодец	6
1	6
2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Глупые люди

Катя Саргаева

© Катя Саргаева, 2019

ISBN 978-5-4496-5865-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Во всем виноват холодец

Собака так преданна, что даже не веришь в то, что человек заслуживает такой любви.

Илья Ильф

1

Лежа на одеяльце

На похоронах Ольги Сергеевны были только мы – Настя, волонтер из онкологического центра, и я, ее верный пес Масяня. Похороны и так вещь невеселая, но эти были уж совсем грустными. Совершенно никто не пришел проводить мою хозяйку в последний путь, и это очень странно. Люди вообще очень странные существа, видимо я никогда не смогу понять их. Все что я могу, это любить их, и до последнего дня быть преданным своему хозяину.

Преданность. Люди придумали это слово, но они понятия не имеют о том, что оно означает. Люди так же придумали слова «семейные узы», в мире животных это звучит как «верность стае», верность, преданность – одно и то же. О семейных узах люди тоже мало знают. У Ольги Сергеевны трое детей, но никто из них не пришел на ее похороны. Только ее старшая дочь Лена несколько раз приходила к ней в больницу, приносила какие-то бумаги, хотела, чтобы мать их подписала, но все эти посещения всегда заканчивались ссорами и слезами моей хозяйки. Я знаю об этом, потому что Настя внесла меня в волонтерскую программу, только на таких условиях меня могли впустить в больницу. Пока мы с Настей собирали кучу бумажек, справок, делали мне тысячу прививок, она рассказала мне о том, что ученые доказали, что собаки могут лечить больных людей, а неизлечимо больным облегчать течение болезни. Я долго ждал, когда смогу увидеть хозяйку, и терпеливо ходил с Настей по всем инстанциям. Прошло полтора месяца, и вот наступил этот момент, я лежал на больничной кровати в ее объятиях, ничего не может быть лучше, даже самая сладкая косточка. Она обнимала меня и плакала, как часто бывало дома, только в такие моменты она разрешала мне ложиться на кровать.

Однажды это было на полу, на моей кровати – одеяле возле батареи под окном в гостиной. Одеяло было маленьким, и я на него полностью не умещался, потому что вырос из него. Хозяйка сшила его для меня из лоскутов старых шерстяных одеял, когда-то давно она была проводницей на железной дороге. В верхнем левом углу она вышила мое имя. Это одеяльце было самой дорогой вещью, которая была в моем небогатом собачьем обиходе, потому что его своими руками сделала для меня хозяйка. Когда одеяльце стало для меня маленьким, она решила его выбросить. Я не сразу понял, почему это на месте моей кровати лежит другое, самое обычное поездное одеяло, а мое родное одеяльце лежит свернутым в пороге возле пакета с мусором, приготовленным на выброс. Я отодвинул новое одеяло, принес старое одеяльце и положил его на место.

– Мася, ты чего притащил одеяло назад? – спросила меня хозяйка, – оно же маленькое. Я положила новое, мне для тебя не жалко, а это мы выбросим.

Я не понимал и не понимаю, как можно выбрасывать такие вещи? Ведь в них вплетена любовь. Пусть ее не видно, а видно лишь старое затертое лоскутное одеяло. Но любовь чувствуешь. Когда лежишь на нем, и твоя морда трется об одеяло, то кажется что это рука хозяйки гладит тебя. Никак иначе. Как можно выбрасывать любовь?

Я проспал одну ночь на новом одеяле, и это была ужасная ночь. Я чувствовал себя в приюте. Брошенным. Покинутым. Нелюбимым. Без хозяина. Для домашней собаки ничего

не может быть хуже, чем быть без хозяина. Следующим утром, когда мы вышли на прогулку я напрямик направился на помойку за своим одеяльцем, слава богу его никто не забрал. Я вцепился в него мертвой хваткой и успокоился только тогда, когда Ольга Сергеевна сказала, что я могу его оставить. Но из зубов я одеяльце не выпустил, я положил его на его законное место, так оно и осталось у меня. В обед со мной гуляла соседская девочка, она любила это делать пока была маленькая, сейчас ей это уже не интересно. Вернувшись домой я снова не нашел своего одеяльца, я просто сидел и скулил возле батареи. Пришла Ольга Сергеевна и отвела меня в ванную.

– Смотри, вот твое одеяло, – говорила она, указывая пальцем в окошко стиральной машинки, – не выбросила я его, я уже поняла, что оно для тебя почему-то дорого. Но оно валялось на помойке, так что его надо постирать. – Она присела на корточки и потрепала меня за уши обеими руками, – чудная ты псина, вещи бережешь.

Одним зимним днем Ольга Сергеевна вошла в квартиру, сняла с себя заснеженное пальто и легла ко мне на пол, на одеяльце. Она прижалась ко мне и рыдала так, что мне казалось я не выдержу и умру, так мне было жалко ее. Люди ничего не умеют делать так хорошо, как страдать, этот экзамен они все до единого сдают на отлично. Я облизывал хозяйке лицо и мне на язык попадали ее слезы, мне казалось, что я даже чувствую вкус ее боли. Мне хотелось бы выпить все ее слезы, чтобы она была счастлива.

– Масенька, мой родной, только ты меня никогда не бросишь, – говорила она сквозь слезы, когда ее рыдания ослабли, и она смогла разговаривать, – только ты всегда со мной будешь. Ты же меня не бросишь? – вдруг испуганно спросила она, уставившись на меня, и даже на несколько секунд перестав плакать.

Я лизнул ее прямо в нос, мол, что за глупые вопросы ты вообще задаешь?! Куда я без тебя? Ты же весь мой мир. Моя семья. Моя стая. Мой вожак. Мы с тобой навсегда вместе, и даже после смерти мы тоже будем вместе. Глупая женщина...

Собаки видят все, слышат все, а то, что недосмотрели и недослышали, мы чувствуем. Сын Ольги Сергеевны – Сашенька (ни в коем случае Саша, только Сашенька, и очень редко, когда надо поругать Александр) всю жизнь работал, строил карьеру и зарабатывал деньги. Купил квартиру, машину, помогал матери и младшей сестре, пока та не пристала к одной религиозной секте, и не укатила с проповедниками. В сорок два года его вдруг застал кризис среднего возраста. Он говорил, что у него есть все, кроме того, что человеку действительно нужно. Нет любви, семьи, детей, продолжения себя. И пустился он в поиски той самой любви. Спустя год поисков он пришел к выводу, что женщины сейчас не хотят замуж, они хотят независимости, строить карьеру, секса без обязательств, и вообще всего без обязательств. А Ольга Сергеевна воспитала Сашеньку так, что семья это святое, и женщина в ней это святое, хранительница очага, мать, мудрость и тихая гавань. В ночных клубах он не нашел хранительницы очага и тихой гавани. Не находил он ее и на сайтах знакомств. После двух лет непрерывных поисков Саша уже отчаялся, и в тот самый момент, по воле случая встретил Катюшу.

День у него выдался самый что ни на есть поганый, он попал в аварию, с ним все было хорошо, но вот машину срочно пришлось сдать в ремонт. Он опоздал на важное совещание, и его друг решил подменить его, урвал случай, залез без мыла в задницу спонсорам и заключил большой контракт. Сашин начальник не обратил внимания на то, что это Саша, а не его уже не друг четыре месяца обрабатывал клиента, он сделал всю работу в одиночку, а сливки снял другой. Саша возвращался вечером домой на метро, потому что так было быстрее, давненько он не бывал в такой толпе злых и обиженных жизнью людей. Все куда-то спешат, усталые, замотанные. Женщина, стоявшая рядом с ним, составляла список продуктов, потом достала кошелек, пересчитала деньги и вычеркнула курицу и творог из списка. С другой стороны стоял мужик-работяга, от него крепко пахло алкоголем, Саша отвернулся, но это не особо

помогло. На очередной станции вагон набился битком, но бабуля с тачкой упорно продвигалась к уступленному ей таджиком месту. Попутно она порвала одной женщине колготки, зацепив их тачкой, и они сцепились не на жизнь, а на смерть. Саше было не по себе, ему хотелось сбежать из этой толпы прокаженных. И как вообще люди живут каждый день вот такой жизнью? Завтра поеду на такси, решил он, подходя к двери, так как следующая станция была его. Возле двери стояла красивая девушка, она читала бумажную книгу, Сашу удивило это. Из кармана ее сумочки торчал телефон, и когда дверь вагона открылась, стоявший рядом с Сашей парень выдернул этот телефон из кармана и рванул что было духу из вагона. Саша не думал ни секунды, он рванул за ним. Он очень быстро бегал, и догнал вора уже через минуту, повалил его на пол и отобрал телефон. Когда он поднял глаза, то увидел бегущую к ним хозяйку телефона. Так они и познакомились.

Катюша была из Украины, в тот момент она жила у подруги. Утром того дня подруга ясно дала понять, что Кате нужно срочно подыскать себе другое жилье, так как она будет жить со своим новым парнем, а третий, как известно лишний.

– Она меня уже практически выставляет на улицу, – рассказывала она Саше на их втором свидании.

– Хочешь, поживи у меня, пока не найдешь жилье, – предложил Саша.

Он был без ума от Катюши, влюбился в нее с первого взгляда, и думал, что такого не бывает, да еще и в его возрасте. Кате же было девятнадцать лет. Она была умна и хитра, за свою недолгую жизнь, наученная войной и нищетой, она поняла, что практически все можно купить за деньги. Она была не прочь их заработать, но без документов и образования ей не светила большая карьера. Не так давно она в разговоре все с той же подругой поняла, что нужно найти богатого мужика, родить ребенка и сесть ему на шею. Это лучший вариант. Но богатые мужики в метро не ездят, где их взять? Оказалось, что иной раз ездят, Кате несказанно повезло, и она вцепилась в этот шанс. Через неделю она переехала жить к Саше. Сначала она говорила, что ищет жилье, попутно пекла пироги, стирала рубашки, вылизывала квартиру, была необузданной и раскрепощенной любовницей, и через месяц Саша сказал ей, что это ее дом, и никуда он ее от себя не отпустит.

Все были счастливы, до знакомства с мамой. Ольга Сергеевна хоть и не подала виду, но сразу смекнула, в чем тут дело. Сначала она ничего не говорила Саше, ведь можно совместить приятное с полезным. Ну хочет девка хорошо устроиться в жизни, здесь ее не в чем винить, все хотят, главное чтобы она Сашеньку не использовала, а тоже любила, тогда и горевать нет повода.

Когда Саша покупал квартиру, главным критерием была близость к дому матери, жить в одном районе было обязательно. Несмотря на это с течением лет он все реже заглядывал в гости, работы много. Последние несколько лет мы с Ольгой Сергеевной, гуляя по вечерам, ходили к Сашиному дому. Хозяйка садилась на лавочку и смотрела в его окна, даже когда в них было темно. Я чувствовал такую же темноту, зияющую у нее внутри, ей было очень одиноко. Тогда я подходил и клал голову ей на колени. Она не слышала, но я разговаривал с ней. Я говорил, что она самый добрый человек на свете, и это не только потому, что она моя хозяйка. Говорил, как сильно я люблю ее. Когда-то даже принес ей найденную мною свежую кость, она правда не оценила, и заставила выплюнуть.

И вот, спустя три месяца их знакомства Саша с дрожью в голосе сообщил нам, что Катюша беременна, и они в ближайшее время поженятся. Свадьбы не будет, только роспись. Саша был на седьмом небе от счастья, и все больше работал, ведь ребенок требует больших затрат, соответственно и меньше бывал дома.

В тот день Ольга Сергеевна наварила холодца.

– Сейчас гулять пойдем, и зайдем к Сашеньке, – говорила она, надевая на меня ошейник, – холодца им отнесем. Катюша себя плохо чувствует, вот мы ее и подлечим, да? Сделаем сюрприз!

Подойдя к Сашиному дому, мы не увидели в окнах свет.

– Может она спит, а, Масынь, как думаешь? А тут я приперлась со своим холодцом... давай посидим на лавочке, подумаем что делать.

Пока мы сидели и думали, за домом остановилась машина. Она была довольно близко к нам, но нас видно не было. Ольга Сергеевна всегда садилась на эту лавочку, потому что фонарь над ней не горел уже давно, а она не хотела, чтобы Сашенька невзначай увидел ее в окно, ни к чему ему лишний раз переживать о том, что мать страдает от одиночества. В машине загорелся свет, и мы увидели в ней Катюшу, раздетую и разукрашенную. С какой любовью она смотрела на мужчину сидящего рядом с ней, с какой страстью целовала его! Я даже залюбовался, а потом опомнился. Я глянул на хозяйку, она остолбенела, сидела не шевелясь, как изваяние, только слезы ручьем льющиеся из ее глаз были живыми и одухотворенными. Минут пять она сидела и смотрела на то, как Катюша не может расстаться со своим любовником, а потом вытерла слезы и резко встала с лавки. Лежащий у нее на коленях пакет с холодцом с лязгом упал на землю. Крышка металлического судка открылась, и холодец устремился наружу, а я устремился к холодцу. Было вкусно, но мало.

– Масыя пойдем, – с каким-то надрывом в голосе сказала Ольга Сергеевна.

Я не мог прекратить слизывать с земли куски вкуснейшего холодца, но понимал, что идти надо. Еще кусочек, еще секундочку, две секундочки, ну пожалуйста! И тут она как крикнет, у меня аж кусок в горле застрял.

– Масыя! Я умоляю тебя, пойдем!!!

Мне кажется, что никогда в жизни она не кричала так громко и так пронзительно, наверное так ревет медведица, защищая своего детеныша. Когда она замолчала, то тишина повисла в воздухе и стала осязаемой. Я кинул взгляд на машину, Катя смотрела на нас с гримасой ужаса на лице. Потом глянул на хозяйку, в ее глазах была мольба, и я понял, что сейчас я должен делать все, о чем она меня попросит, даже прыгнуть с крыши. Я бросил холодец и подошел к Ольге Сергеевне, прижался к ее ноге. Она взяла меня за ошейник, и мы медленно, но твердо пошли домой. Хозяйка так крепко вцепилась в мой ошейник, что он душил меня все сильнее и сильнее, но я не издавал ни звука. Я понимал, что сейчас вся ее злость и разочарование, несбывшиеся надежды и боль за сына вложены в кулак, который обвился вокруг моего ошейника. Пусть лучше она придушит им меня, чем разобьет об Катину морду. В какой-то момент я все же не выдержал и невольно захрипел, тогда она отпустила ошейник и присела ко мне.

– Прости меня, хороший мой, – говорила она сквозь слезы, – ты ни в чем не виноват, прости меня.

Через неделю неожиданно и без приглашения к нам в гости пришел Саша. Сказал что переживает, потому как звонил несколько раз, но мать не брала трубку. Я слышал все эти звонки, и говорил ей, что нужно хотя бы ответить и сказать сыну, что ты жива-здоровая, но она меня конечно не слышала. Она ушла в себя, и все время молчала, обычно она много говорит вслух, иногда мне кажется, что она разговаривает со мной, а иногда кажется, что она разговаривает сама с собой. Тогда она молчала, всю неделю молчала, были только обрывистые фразы: «Масыя, гулять пойдем?», «кушать будем?» и так далее. Она садилась на кухне возле окна и часами смотрела на улицу. Я садился рядом с ней. Потом она вставала, включала телевизор и садилась на диван. Она смотрела в телевизор, но мне кажется, что не видела и не слышала ничего. Я ложился у ее ног. За день до прихода Саши она сорвалась на меня, но я не обиделся. Она встала с дивана и споткнулась об меня, чуть не упала.

– Ну чего ты тут разлегся?! Что ты вообще за мной везде таскаешься? Тебе что заняться нечем? Ходишь за мной хвостиком!

Я опустил морду вниз и прижался лбом к ее ноге. Я всегда так делал, когда она злилась не на меня. Хозяйка села рядом со мной на пол и заплакала. Она не говорила ни слова, но та боль, которая исходила из нее заполняла комнату в геометрической прогрессии. В тот момент я начал недолюбливать Катю, из-за нее моя хозяйка плачет.

– Мама, почему ты не берешь трубку? Я уже волноваться начал, думал, случилось что-то, – начал возмущаться Саша с порога.

– И неделю ждал, чтобы зайти и посмотреть?

– Катюша сказала, чтобы я тебя не трогал, что ты наверное отдохнуть хочешь от нас, и не надо навязываться.

– Хм, Катюша сказала... понятно.

Ох и зря же он помянул Катюшу всеу! Я понял, что сейчас тут будет жарко и смылся под кухонный стол. Но как ни странно Ольга Сергеевна взяла себя в руки и промолчала. Сказала, что действительно не очень хорошо себя чувствует, потому и не хочет никого видеть и слышать. Даже извинилась за свое поведение.

Но я-то знал свою хозяйку как облупленную, меч все равно падет на чью-то шею, дай только время. Но времени много не понадобилось. Как только за Сашей закрылась дверь, Ольга Сергеевна позвонила Кате.

– Слушай меня гадина внимательно, ты сама уйдешь от Сашеньки. Мне плевать, как ты это сделаешь, но ему ты больше голову морочить не будешь! Если сама не уйдешь, то я ему расскажу, что видела тебя с другим мужиком, поняла меня?

Что ответила Катя, я не слышал, но на этом разговор был закончен. Остаток дня был тяжелым, хозяйка несколько раз измеряла давление и пила таблетки. А ночью совсем плохо стало. Я спал возле ее кровати, хотя в комнате у Ольги Сергеевны всегда прохладно, она даже зимой приоткрывает окошко, а я люблю тепло, потому и сплю на одеяльце и возле батареи.

– Маша, ты тут? – спросила она негромко, и я тут же запрыгнул к ней на кровать. – Масечка, я наверное сейчас умру, полежи со мной пока я буду умирать, а то одной это оказывается очень страшно.

Я лизнул ее в нос и спрыгнул с кровати, вышел из комнаты и направился к входной двери, Ольга Сергеевна не запирает ее на замок уже много лет именно на такой случай. Я встал на задние лапы, передними уперся в дверную ручку и опустил ее вниз, дверь открылась. Но дверь у соседей оказалась заперта. Я стучал лапой в дверь, но мне никто не открывал. Тогда я начал выть, когда-то хозяйка сказала мне, что так воют только волки на Луну, жалобно и протяжно, как будто хотят рассказать ей о своей печали. Я же сейчас хотел, чтобы мне просто открыли дверь, и выл все громче и громче. Меня услышали, дверь открыл заспанный сосед в семейных трусах.

– Людик! Тут этот волкодав под дверью воет, поди-ка, глянь, может с Ольгой Сергеевной случилось чего, – крикнул он жене.

– Сам ты волкодав, – прыснула та на мужа, завязывая халат, – Машенька у нас лабрадор, волкодав бы тебе уже давно яйца откусил.

Люда вызвала скорую помощь, и мою хозяйку забрали в больницу. На это время меня забрал к себе Саша. За ту неделю, что я пробыл у них с Катей, я узнал много интересного.

– Говорю тебе, я ей не нравлюсь, – постоянно говорила Катюша Саше.

– Не говори ерунды, моя мать любит всех на свете, ей бы наоборот, стервозности поучиться.

– Я не хотела тебе говорить, но все-таки скажу, – запела Катя ту же песню спустя два дня, – она вообще ведьма, я в коврикке возле порога иголку нашла, у меня такой не было.

– Ну а при чем тут мама?

– При том, что кроме нее никто за последнее время не приходил к нам домой.

– Да просто с улицы обувью занеслась. Мне кажется, ты уже перегибаешь.

– Нет, я тебе докажу.

– Докажи, тогда и поговорим.

И она доказала. За свою жизнь я видел много человеческих качеств, но с затаенной злобой познакомился лишь тогда. Гуляя со мной Катя начала очень активно общаться с местными бабульками. Оказалось, что одна из них давно недолюбливает Ольгу Сергеевну. Эта бабка раньше жила в нашем подъезде, их было много в одной квартире, и они стояли в очереди на расселение. Когда построили новый дом, то бабку отправили жить сюда, а в старой квартире осталась ее дочка с двумя детьми. Дочка эту всю жизнь была тайно влюблена в Сашу, и как только она не пыталась привлечь его внимание, ничего у нее не получалось. В отместку она даже вышла замуж за Сашиного друга, а тот спустя несколько лет связался с бандитами, и теперь сидел в тюрьме, ему пришили дела за всю банду, и сидеть ему было еще очень много лет. Вину дочь к своей несложившейся жизни естественно Сашу. Пока дочь пыталась завлечь Сашу, ее мать, нынешняя бабка (не знаю, как ее зовут) пыталась завести знакомство поближе с моей хозяйкой, чтобы через нее повлиять на Сашин выбор. Но моя Ольга Сергеевна не хотела водить с ней близкое знакомство, так как была приличной, интеллигентной женщиной, а эта была бабой базарной (так она ее и называла). И Базарная Баба затаила на хозяйку злобу. Катя выяснила всю эту злачную историю и вывернула ее в свою пользу. Она случайно обронила пару слов о якобы найденной иголке, и Базарная Баба подхватила ее и разнесла по всему району.

Через два дня Саша вернулся с работы озадаченным.

– Милый мой, что случилось? – спросила Катя, снимая с него пальто.

– Я тут в подъезде бабок встретил, и они мне таких гадостей про маму наговорили. Сказали что она и правда ведьма, Марья Семеновна (так вот как ее зовут!) раньше в одном подъезде с мамой жила, так она столько всего рассказала... я и не думал, что такое вообще бывает. Говорит, что она кому-то дверь петушиной кровью облила, и там человек умер. Мне кажется, что все это бред сивой кобылы, это же моя мама, я ее знаю, этого всего быть просто не может!

– Дорогой, – щебетала Катя, снимая с Саши ботинки, – я тебе сразу об этом сказала, но ты ведь мне не хочешь верить. Вот, теперь тебе даже чужие люди об этом говорят.

– Я завтра съезжу к ней и поговорю об этом.

– Ты с ума сошел! Она же и так в больнице, ей волноваться нельзя!

– Ты ж моя хорошая, она тебя вроде как обидела, а ты все равно ее защищаешь, моя добрая девочка.

Ух, как же мне тогда было жаль, что я не умею говорить! Я пытался, но получил ремня за то, что разлаялся на весь дом.

На следующий день Саша все же поехал в больницу к матери, и рассказал ей об этих абсурдных историях. Хозяйка выгнала его взашей и сказала, чтобы он больше в больницу к ней не приходил, видеть она его не хочет. А перед этим спросила, уверен ли он в том, что ребенок, которого ждет Катя от него. Обо всем этом он рассказывал Кате по телефону, по громкой связи, так что я все слышал. Та, недолго думая, вызвала скорую помощь, сказала, что у нее якобы сильно разболелся живот, и она боится как бы с ребенком чего не случилось. Вечером, рассказывая обо всем этом Саше она заявила, что мать его точно ведьма, и это она хотела чтобы Катя потеряла ребенка, сглазила ее в отместку за Сашины слова в больнице.

– Милый мой, ничего ей больше не говори, а то мы так без ребенка останемся, а может вообще она меня в могилу сведет.

Вероятно какими-то особыми чарами обладала Катя, потому что я заметил, что Саша начал верить во все это.

Я был счастлив вернуться домой, когда Ольгу Сергеевну выписали. Но она ходила тихая и мрачная. Два месяца они с Сашей практически не общались, а потом случилось страшное. Катю сбила машина, и она умерла на месте. Сашин мир рухнул. Все вокруг перестало суще-

ствовать. Был только Сашенька и его горе, хозяйка даже иногда забывала обо мне. Но я не обижался, я понимал, что это сейчас последнее, о чем она должна думать. Хозяйка проводила дни напролет у сына, так как он начал пить. Это продолжалось полтора года, она ничего не могла сделать. Сашу уволили с работы. Он спился до такой степени, что однажды мы с Ольгой Сергеевной увидели как он, стоя возле магазина, просит у прохожих людей мелочь. Еще никогда я не чувствовал от своей хозяйки такой невыносимой боли. Она стояла как вкопанная минуту, потом мы развернулись и ушли прочь от того магазина.

А потом одним зимним днем ее терпение кончилось, и она хотела сдать Сашу в лечебницу. Когда она пришла к нему домой, он сказал ей, что это она виновата. Что она и правда ведьма, и что это она убила Катюшу, его любовь и их ребенка. Сказал, что она ему больше не мать, и если он ее случайно встретит на улице, то пройдет мимо. Хозяйка рассказала мне об этом, когда мы лежали с ней на полу, на моем маленьком старом одеяльце.

2

Козел отпущения

Несмотря на то, что меня зовут Масяня я совсем не маленький. Напротив, лабрадор это крупная порода собак, к тому же нас было всего двое в помете, а я еще и родился первым, поэтому я крупнее и сильнее положенного. Имя я получил случайно, дала мне его внучка Ольги Сергеевны Вероника, она и была моей первой хозяйкой, и покупали меня для нее. Но обо всем по порядку.

Со старшей дочерью Леной у моей хозяйки всегда были непростые отношения. У Лены очень сложный характер, а Ольга Сергеевна мягкая и добрая, ее легко можно разжалобить, сам не раз это делал, но все же старался не злоупотреблять. Лена всю жизнь гнула свою линию, у нее на все было свое мнение, и оно очень редко совпадало с мнением матери. Несмотря на свой пробивной характер Лена мало чего добивалась в семье, так как не имела женской хитрости и гибкости, она просто хотела, чтобы было так как хочет она. Лена давила, Ольга Сергеевна со временем поддавалась, и все было бы по Лениному, но был у нее противник, который был ей не по зубам – отец. Иван Ефимович был военным. Хозяйка говорила, что не видела мужа в другой профессии, и что он был рожден солдатом. Он умер до того как я появился в их семье, и потому я знаю о нем только по рассказам хозяйки и выводам, сделанным из разговоров о нем. Иван Ефимович был серьезным и волевым человеком, хозяйка никогда с ним не спорила, даже если тот был неправ. Он никогда не показывал слабости или страха, вся семья была за ним как за каменной стеной. Он не принимал отказов и был очень категоричным – его слово закон, и не подлежит обсуждению. Своенравная Лена была со всем этим в корне не согласна, но одна идти наперекор отцу не могла, не хватало смелости. Потому она вечно пыталась перетянуть мать на свою сторону.

– Я в твою оппозицию вступать не буду, запомни это! – говорила Ольга Сергеевна дочери, – у меня помимо тебя еще двое детей, и каждый тянет одеяло на себя. Хоть бы раз кто-нибудь из вас обо мне подумал...

Так и было, моя хозяйка разрывалась меж двух огней. Все годы пока они жили все вместе Ольга Сергеевна пыталась примирить всех членов своей семьи, но они так сильно были заняты собой и своими проблемами, своими амбициями, что не слышали матери, и задвигали ее на задний план.

Главной претензией Лены к матери было то, что из-за работы отца их семья часто переезжала. Претензии превратились в нападки, когда Лена впервые влюбилась, переезд в другой город разбил ей сердце. История несколько раз повторялась, как только стоило Лене найти себе ухажера, так отец приходил домой с новостью о переезде. Лена ненавидела родителей, и говорила об этом при каждом удобном случае, говорила, что они просто не хотят, чтобы она была счастлива. Конечно это было не так, больше всего на свете Ольга Сергеевна хотела чтобы все ее дети были счастливы, но всем не угодишь, и она держала баланс как могла.

– Масянь, я рассказывала тебе про то, как и для Лены я стала виновата во всех грехах? – спрашивала меня хозяйка, поливая цветы.

Конечно рассказывала, эту историю, как и все остальные я знаю наизусть, и будь я человеком, так уже бы не одну книгу обо всем этом написал. Нет большей глупости, чем винить в своих ошибках другого, но для людей это норма, у них видимо так положено, может быть это даже традиция, этого я пока что так и не понял.

– Наверное рассказывала, – продолжала Ольга Сергеевна, разговаривая как бы сама с собой, – но тебе ведь все равно, так что я расскажу еще раз. Ты меня даже и не слушаешь, а если и слушаешь, то точно не понимаешь.

Глупая женщина. Я всегда тебя слушаю, и понимаю больше, чем мне самому того хотелось бы. Но ты моя хозяйка, и у нас с тобой все пополам, вся жизнь, так что я разделю с тобой все, если не участвуем в событиях, которые случились еще до меня, то хотя бы буду слушать все это по сотому разу. Может быть так я смогу разделить твою боль.

Лена заканчивала школу и думала о будущей профессии. В школе был день открытых дверей, и разные ВУЗы рекламировали себя и свои факультеты. Лена с первого слова влюбилась в журналистику, и еще в того парня, который рассказывал о ВУЗе. Лена пришла домой и сказала матери, что едет учиться в Москву. Знаний ей хватит, так что она поступит и без отцовской протекции, проживет на стипендию, и ничего ей от них не нужно. А если вдруг родители попытаются ей помешать, то она сбежит из дома. Ольга Сергеевна не видела ничего плохого в таком выборе дочери, и вообще была рада тому, что она нашла профессию, к которой лежит душа. Но Иван Ефимович не разделил радости жены. Он был не против стремления дочери к учебе и даже выбранной профессии, но он был категорически против того, чтобы Лена ехала учиться в Москву. Там одному распутству можно научиться. И вообще, как это его маленькая девочка решила выпорхнуть из гнезда и жить своей жизнью? Чего это ради она вообще так быстро выросла? Не отпустит он ее от себя и точка. Как же он аж из Свердловской области за ней присмотрит? А вдруг с плохой компанией спутается? Там в этих общежитиях всякой швали хватает, одни тунеядцы и выпивохи. Еще забеременеет ненароком, она ведь девочка импульсивная, это ж стыд и срам, и пятно на всю семью. Нет, даже думать не о чем, он никуда ее не отпустит.

Был шумный скандал с проклятиями и битьем тарелок, Лена это любит. А утром дочь не проснулась в школу. Ольга Сергеевна уже и завтрак приготовила, а Лена все не выходила из комнаты, и тогда она пошла ее будить. Заходит в комнату, а Лена лежит на полу, вся бледная и в рвоте. Вызвала скорую помощь. Лену отвезли в больницу и промыли желудок, она выпила десять пачек анальгина, это было единственное лекарство, которое всегда было в доме. В тот день Ольга Сергеевна в первый и в последний раз в жизни не встала на сторону мужа, слушалась, перечила, и даже повысила голос. Сказала, что разведется с ним к чертовой матери, если он позволит собственному ребенку умереть из-за гордости и глупого, необоснованного упрямства. Иван Ефимович курил трубку, он сидел в кресле у открытой форточки. Пока Ольга Сергеевна кричала на него и выплескивала то, что накопилось он не сдвинулся с места, сидел словно кот греющийся на солнышке, вокруг которого бегают и лает собака. Когда она закончила говорить он сидел молча несколько минут, потом встал с кресла, закрыл форточку и сказал одно единственное слово «хорошо», и вышел из комнаты.

Лена уехала в Москву, поступила и хорошо училась. Тот парень, который рассказывал о ВУЗе в школе, оказался сотрудником журнала «Небоскреб», в который нанимали молодых журналистов, выпустившихся именно из Ленинского института. На воле, без отцовского надзора Лена расцвела и поняла, что жизнь гораздо больше, чем она себе раньше представляла. На третьем курсе Лена познакомилась с активистом из одной партии, и он словно открыл ей глаза. Никогда раньше Лена не задумывалась о политике, СССР лучшее в мире государство по всем фронтам, тут и думать не о чем. Но в конце восьмидесятых годов уверенность в нерушимости Советского Союза становилась все меньше. Лена как журналист должна была быть голосом народа, и ей хотелось рассказать массам, что все очень зыбко, но таким как она умело закрывали рот. Доучившись Лена поступила на работу в тот самый журнал. Репутация «Небоскреба» была сомнительной, и подвергалась всяческой критике. Фишкой журнала была правда, с высоты небоскреба виднее, и правду эту пытались донести людям всеми возможными способами. Главный редактор журнала был горячий приверженец правды и свободы выбора. Он всегда говорил, что люди должны знать как на самом деле обстоят дела, потому что только тогда они будут иметь чистые головы и только тогда будут иметь свои собственные мысли и взгляды

на ситуацию, а не навязанную политиками. Лена была готова подписаться под каждым его словом, так как во всем была согласна с ним. Редко бывает когда мнения двух людей так сильно совпадают, но это была именно такая ситуация.

Парня, которого Лена впервые увидела в своей школе звали Виталик, он был военным корреспондентом, оператором видеосъемки. После года работы в журнале и сама Лена стала военным корреспондентом, и их поставили в пару. Виталик был на четырнадцать лет старше Лены, но их рвение к правде, к тому, чтобы осветить все события массам были одинаковы, они и свели их. Дабы избежать скандала с родителями Лена не говорила им о том, что теперь выезжает в горячие точки, она умолчала так же и о романе с женщиной гораздо старше себя. Она знала что отец не смотрит новости, так как и без того знает всю ситуацию происходящую в стране.

В начале Балканских войн Лена с Виталиком несколько месяцев жили в Косово безвыездно. Они сняли много материала, и почти весь он был опубликован. Родители не смотрели новости, но их смотрели соседи. Увидеть Лену по телевизору в те времена было чем-то из ряда вон, они были просто обязаны обсудить это со всем микрорайоном и похвалить, вероятно, лопающихся от гордости родителей. И они похвалили, пришли вечером в гости с бутылкой дорогого коньяка. Иван Ефимович выпивал очень редко, по великому случаю, и от коньяка отказывался. Соседи удивлялись, как так, разве родная дочь в телевизоре это не великий случай? На лице Ольги Сергеевны возникло непонимание, и муж заметил это. Он аккуратно, но крепко сжал руку жены под столом, и та поняла, что надо подыграть. Иван Ефимович выпил рюмку коньяка стоя, потом закрыл бутылку, сунул ее в руку соседа и открыл входную дверь. Соседи поняли, что время их визита подошло к концу.

– Ваня, что случилось? Ты понял что произошло? Что с Леной? – с тревогой спрашивала моя хозяйка мужа, как только за соседями закрылась дверь.

– В горячу точку ее отправили, вызволять надо. Это все ты виновата, – добавил он после некоторого молчания.

– Да кто бы сомневался, Масяня! – говорила мне Ольга Сергеевна, вытирая полотенцем вымытую посуду, – в нашей семье всегда и во всем виновата я. Не знаю почему я всегда принимала это, наверное решила что в любой семье должен быть козел отпущения, и почему-то вызвалась им быть. Идиотка. Все равно никто не оценил, и даже спасибо не сказали.

Иван Ефимович два часа просидел на телефоне, выяснил, что забрать дочь оттуда не так-то просто, все границы закрыты даже для журналистов. Сам он на тот момент был уже полковником, имел хороших и влиятельных друзей. Он договорился о том, что дочь найдут и вывезут. Прошло почти два месяца, когда тишину в квартире вдруг разорвал телефонный звонок. Его здесь очень долго ждали. Теперь телевизор был включен всегда, и Ольга Сергеевна смотрела все выпуски новостей по всем каналам.

– Ну что, видела ее? – каждый день спрашивал Иван Ефимович жену по возвращении с работы, разуваясь в пороге.

Эта фраза теперь заменила им приветствие. Хозяйка лишь отрицательно мотала головой в ответ. Эти два месяца прошли как в бреду, в забытьи. Не знать что с твоим ребенком возможно даже хуже, чем знать, что он умер. Хозяйка с этим так и не определилась. Каждый день звонила в «Небоскреб», там ей отвечали, что все хорошо, но она им не верила, думала, что они ей просто зубы заговаривают, чтобы не поднимала паники. Ленины родители даже подумать не могли о том, что она сама выбрала для себя такое направление работы, и что она по собственному желанию рвется именно в горячие точки.

Иван Ефимович поднял трубку и почти сразу упал в кресло.

– Оля! Жива! – только и крикнул он.

Ольга Сергеевна тихо опустилась на табурет в кухне, и сидела так, прижав к груди кухонное полотенце, которое на тот момент было в ее руках. Бесчисленное количество раз она повторяла про себя «спасибо», но и сама не понимала, кого именно она благодарит, потому что в бога она не верила. Спустя некоторое время в кухню вошел Иван Ефимович, он почувствовал запах горелого и хотел было сказать жене об этом. Ольга Сергеевна все так же сидела на табурете, прижав полотенце к груди. Он молча взял ложку и начал мешать пригорающую картошку, которую Ольга Сергеевна жарила к обеду. Потом поцеловал ее в лоб и сел рядом.

– Жива курва! – сказал он уже рассерженным голосом. И тут Ольга Сергеевна ожила.

– П-п-п-очему курва? Ч-ч-ч-то она на-а-а-творила? – хозяйка еще не пришла в себя, и не могла сообразить, почему муж обзывает Лену.

Он рассказал то, что ему сообщили по телефону. Один парень, разведчик, свой, нашел ее, а она оказывается там по собственному желанию, и уезжать не собирается, а когда соберется, то закрытые границы для нее проблемой не будут, потому как у нее особый допуск.

– Как она может так с нами? Со мной? Как может? – говорила Ольга Сергеевна сквозь слезы, – почему она только о себе всю жизнь думает?

– У нее просто детей нет, появятся, тогда она поймет.

– Не поняла она Маша ни черта. Видимо не каждой женщине дано быть матерью. Ты даже представить себе не можешь какво это. Я все эти два месяца почти не спала, боялась пропустить новость о ней, телефонный звонок, или хотя бы мельком увидеть ее по телевизору. Когда она была маленькая, да когда все они были маленькие, было так же. Когда отселяешь своего ребенка в другую комнату, потому что не может он всю жизнь спать с тобой в одной постели, то каждую ночь умираешь и спать не можешь. Я все лежала и прислушивалась, как она там, за стенкой. Лена ведь первая у меня, и с ней было тяжелее всего. Никто к этому не готовит, в роддоме учат как пеленать и мыть, кормить и прочую ерунду рассказывают, которой все учатся за две недели. Никто не говорит о том, что стать мамой, это займет три сердца, и каждое из них разрывается на мелкие кусочки, когда твой ребенок плачет. И вот я засну на секунду, и просыпаюсь от ее плача, Ваня спит мертвым сном. А я вскакиваю и бегу к ней в комнату, мне кажется, что ее там уже убили и на куски разрезали, а она просто проснулась ночью, потому что описалась, а вокруг темно. Или сон приснился плохой. И она ко мне прижмется так, будто я ее спасение от всего в этой жизни, и не могу я ее уже отпустить, так и засыпала с ней в кроватке. Отец потом ругал меня, сколько ссор из-за этого было. Я и сама понимала, что нельзя так, но ничего не могла с собой поделать. Так и тогда, Маша, засну на секунду, и мне уже снится, что она кричит, и зовет меня. Я по привычке вскакиваю, о том, что эта привычка остается на всю жизнь тоже никто не рассказывал. Забегаю в ее комнату, а там пусто. Я ложилась на ее кровать, иногда там и засыпала. Один раз Ваню утром нашла там, тогда и поняла, что он тоже умирает потихоньку от этого незнания.

Ольга Сергеевна сидела на диване, и разрешила мне забраться к ней. Она гладила мою голову, лежащую у нее на коленях, и продолжала рассказывать, а я слушал.

Иван Ефимович понимал, что Лена уже не маленькая, и распоряжаться ее жизнью он больше не может, но он должен был хотя бы попытаться «направить дочь на путь истинный». Несколько раз он разговаривал по телефону с «Небоскребом» и выяснил, что Лена скоро возвращается. Иван Ефимович собрал сумку и поехал в Москву.

Лена не ожидала по возвращении увидеть отца в своей квартире. У родителей были ключи, но они никогда раньше ими не пользовались. Иван Ефимович держал себя в руках, и не накинулся на дочь с порога. Он приготовил ужин, и даже купил бутылку коньяка. Лена знала зачем отец ни с того ни с сего вдруг приехал, потому что из журнала ей сообщили, что

родители уже все телефоны оборвали. Она не подавала вида, и ждала пока отец сам начнет разговор. И он начал.

- Рассказывай, где была, что видела.
- Ты ведь и сам все знаешь, и приехал учить меня жизни.
- Как думаешь, у меня получится?
- Нет, и это ты тоже сам знаешь. Меня поражает твое упрямство.
- Не очень-то приятно смотреться в кривое зеркало, правда?

Лена даже не подозревала, как сильно она похожа на отца, своим упрямством, гордыней, своенравием, просто они были разного пола, а мужчине это все прощается, и в некоторой степени вполне нормально. Но Лена была женщиной, а им быть такими не полагается. Она даже не поняла, что имел в виду отец, говоря о кривых зеркалах.

- Ладно, что ты хочешь? Чтобы я уволилась из «Небоскреба»?

– Нет, я хочу чтобы ты не подвергала себя опасности, и сидела себе в теплом кабинете, а не шлялась по войнам и окопам.

- Я не могу, мне надо там быть. Ты не понимаешь, никогда не поймешь.

– Не пойму! – вдруг крикнул отец, и грохнул кулаком по столу, – не пойму! Поле боя не место для женщины, не место для моей дочери! Как *ты* этого не понимаешь?!

Повисла пауза. Лена не знала, как объяснить отцу, что *она должна там быть*. С того самого момента как она начала выезжать в горячие точки ей хотелось рассказать об этом родителям, ей хотелось чтобы они приняли это, поняли. В мыслях она часто пыталась подобрать правильные слова, такие, которые можно сказать, и все вдруг станет ясно. Но она и сама себе не могла объяснить, почему ее тянет туда.

– Папа, люди должны знать. Все совсем не так как нам пытаются представить, все гораздо запутаннее. Хотя бы попытайся меня понять.

– Я понимаю, что ты хочешь донести правду, – вдруг совершенно спокойным голосом ответил отец, – но ты не думала о том, что не всю правду нужно доносить людям? Политика сложная вещь, многоуровневая, к ней нельзя подходить вот так как ты – в лоб. Ты даже не представляешь какой силой обладает толпа, и поверь мне, ею нужно уметь грамотно управлять, иначе будет хаос.

- Оглядишься вокруг, в стране и так хаос.
- А что ты можешь с этим сделать?
- Рассказать обо всем.
- И что, люди послушают тебя и задумаются?
- Да, это вполне может быть.

– Я тебе еще раз говорю – толпа это страшная сила, и страшна она тем, что не имеет организации и контроля, а сила ненаправленная в нужное русло разрушительна. У нас многие любят порассуждать о политике, сидя на кухне за стаканом водки. Видела таких? Валера, сосед с третьего этажа яркий представитель, я когда-то имел удовольствие с ним пообщаться в таких условиях. Представь, сидит он за кухонным столом в семейных трусах и майке, которую не снимал с себя недели две. На майке желтые пятна от горчицы, от самого воняет невымытым телом и неизменным перегаром, ногти на ногах не стрижены пару месяцев точно. Холодильник пустой, жрать нечего, но водка есть всегда, и огурцы на закуску. И вот сидит он и разглагольствует о том, какое же плохое наше правительство, и горячо так разглагольствует! Его там не хватает, понимаешь? Он бы все проблемы разом решил, всего-то и надо сделать это и то. А они там сидят, жопы греют, деньги лопатами гребут, а ума не хватает. У него хватает. Только он на кухне водку жрет, а они деньги гребут. И вот у него все силой решается. Это знаешь, когда слов у человека не остается, дипломатии не хватает, то в ход идут кулаки. Толпа, Лена, это сила, которая все решает дракой, и итог ее война. Там ты не найдешь правды. Война это

следствие, а не причина. Что ты хочешь освещать людям? Ход войны? Ее минусы и издержки? Как страдают люди, смерти? Ты это хочешь освещать?

– Да папа. Может быть тогда люди поймут, что война несет в себе только разрушение, и не решает проблем, а лишь создает новые. Хоть одна война в мире закончилась чем-то положительным? Я имею в виду политические войны, нового поколения, а не те, что раньше были между племенами.

– Нет. Об этом я тебе и говорю. Ты себе глотку сорвешь, крича «остановитесь люди, вы глупы», тебя все равно никто не услышит.

– Но ведь если все будут молчать, то ничего и не изменится. Чем больше нас будет кричать, тем громче мы будем звучать.

– Только не так много желающих покричать, правда ведь?

– Это не имеет значения, я буду делать то, что считаю нужным. Я в это верю.

Я в это верю. Это именно те слова, которые так долго искала Лена. Слова, которые можно сказать, и все вдруг станет ясно. Они еще долго разговаривали, но в глубине души отец понял Лену, не принял и не согласился с ней, но понял.

– А все равно ведь осталась виновата я, Мاسянь. Ваня мне до самой смерти говорил, что если бы я тогда не настояла на том, чтобы она учиться в Москву уехала, то ничего бы этого не было. Нашли бы ей мужика, выдали бы замуж, и все было бы хорошо, жили бы как все нормальные люди. Так нет, же, я встряла. Ваня просто не видит того, что сейчас вижу я. Не я виновата в том, что жизнь Лены так сложилась, сама она виновата, сама выбрала себе мужика. Не того выбрала. Не зря ведь говорят, что надо выбирать тех, кто любит тебя больше, чем ты сам, это как гарантия качества будущих отношений. Только Лена и здесь все сделала по своему, а виновата в итоге я.

Шли годы. Отношения Лены с Виталиком оставались прежними. Не сказать, что Лена очень хотела замуж, просто так положено, ей уже за тридцать, и неплохо было бы официально быть замужем, да и много лет они уже вместе. Виталик не отказывался, и всякий разговор на эту тему заканчивался положительно. Да, поженимся, обязательно, сейчас только материал сдадим. А там подходила новая работа, и новые командировки и задания. Они никогда этого не обсуждали, но каждый из них знал, что из очередной командировки они могут и не вернуться. Виталик не отказывался, и это Лену устраивало. Так и жили. Но на самом деле Виталик не любил Лену так, чтобы связать с ней жизнь навсегда, пойти в ЗАГС и узаконить свои отношения. Пока этого не случилось он чувствовал себя вольной птицей, знал, что никому он ничего не должен. А стоит только жениться, как долгов наберется столько, что не потянуть.

Был 2008 год, назревал серьезный конфликт в Северной Осетии, и Лену с Виталиком отправили туда. Виталик всегда хвалился тем, что он «родился в рубашке», за все годы его работы по горячим точкам и в непосредственных местах ведения боя его ни разу ни ранило, даже не споткнулся и не упал ни единого раза. Шли бои за Цхинвал, и тут Виталика покинула удача, он был серьезно ранен и контужен. Госпитали к тому моменту были уже переполнены, и местное население забирало некоторых людей и ухаживало за ними. Несмотря не то, что простое гражданское население сильно пострадало от обстрела реактивной артиллерии, они оставались людьми. Виталика забрала к себе Лейла. С ней они познакомились много лет назад в Чечне.

– Мне кажется, что про Лейлу я тебе не рассказывала, – сказала Ольга Сергеевна, потренив меня за ухо, – ведь и ей нелегкая доля выпала.

А это и правда что-то новенькое! Иногда хозяйка рассказывает что-то новое, важное, интересное, но и вместе с тем страшное. Такие истории я всегда слушаю с особым вниманием,

а она потом говорит, что зря она мне это рассказала, потому что после этих историй я становлюсь грустным.

– Только этого Мاسянечка не хватало, чтобы еще и ты грустил. Хватит и меня. Я же ведь козел отпущения, значит я и грустить должна, а все остальные радоваться.

И что за глупая женщина, думал я. Как же она не поймет, что говоря я, она говорит мы. Ведь мы с ней вместе, и незримой нитью связаны. Видимо эту нить видят только собаки.

Лейла была чеченкой и врачом. Тогда, во время войны в Чечне, она лечила знакомого Виталика, журналиста из другого издания. Звали его Кирилл. Между Кириллом и Лейлой вдруг вспыхнула необузданная любовь, и несмотря на то, что ее могли и убить за внебрачную связь, да еще и с русским христианином, Лейла поддалась своим чувствам. Три месяца Кирилл пролежал в чеченском госпитале, он обещал Лейле, что как только он поправится, так они сразу и поженятся, если ее братья не прирежут его среди ночи раньше. Из-за Кирилла Лейлу изгнали из семьи, но надежда на скорую свадьбу не давала повода для полного позора. И вот Кирилл пошел на поправку, выздоровел, и однажды ночью улетел с самолетом русских миротворцев, о чем договорился с ними еще неделю назад. Теперь Лейла была окончательно опозорена и считалась падшей женщиной. Жизнь ее превратилась в ад. Ее спасало лишь то, что у нее была профессия, которая могла ее прокормить.

Спустя несколько месяцев Лейла встретила в госпитале одного старого осетина, они с ним сдружились. Лейла рассказала своему новому другу Давиду о том, что с ней случилось. Давиду было восемьдесят два года, и у него была эмфизема легких. В Чечне он гостил у друга, хотел повидаться с самыми близкими друзьями и родными перед смертью. Давид был мудрым, он понимал, что нельзя перечеркивать жизнь человека из-за одной ошибки, да и сам он был молод, сам любил и ошибался. Только мужчине это прощается, а женщине, и уж тем более мусульманской – нет. Он очень полюбил Лейлу как человека. Он видел в ней чистоту и доброту, а еще ее медицинский талант. Давид предложил Лейле выйти за него замуж и уехать с ним в Осетию. Брак их будет фиктивным, чтобы смыть с нее позор, ну и чтобы квалифицированный врач присмотрел за стариком до его смерти. Лейла согласилась. Спустя три месяца Давид умер, он оставил Лейле дом и некоторые сбережения. Никто из детей Давида не оспаривал этого, так как все они были состоятельными людьми. С тех пор Лейла жила в поселке под Цхинвалом. Она принимала больных на дому, и у нее никогда не было недостатка в клиентах. В начале конфликта ее поселок первый попал под обстрел, и ее дом был заполнен ранеными. Сейчас среди них оказался и Виталик.

Лена не отходила от постели Виталика, и помогала за уходом других раненых. У Виталика было сильно повреждено правое колено, Лейла буквально собрала его по частям. Она спасла ему ногу, но чувствительность была очень низкая, кроме того, теперь он не мог обходиться и передвигаться без чужой помощи. Прогнозы были неутешительны, и теперь Виталик был инвалидом, он понимал, что его карьера как военного корреспондента была окончена, потому что для такой работы нужно иметь здоровые конечности. Лена тоже это понимала. Они не разговаривали о будущем, но становилось ясно, что и Лене придется забыть о командировках. Две недели она размышляла над ситуацией, она просто разрывалась. Именно то, что Виталик понимал ее, понимал смысл ее работы, эту потребность быть в горячих точках и связывало их. Но что теперь? Она ведь не сможет просто бросать его одного дома. Но и сидеть с ним, привязать себя к одному месту она тоже не представляла возможным.

Однажды Лена пошла к колодцу за водой, она набрала два ведра и села на разрушенную каменную ограду. Сейчас было временное затишье, и этой звенящей тишиной оно предвещало бурю. Лена была совершенно одна, даже птиц в небе не было и назойливых насекомых. Никого. Она очень явно ощутила витающую в воздухе смерть. Она царила здесь. Прикоснулась ко всему в округе, даже к камню, на котором Лена сидела. И в этот момент она вдруг очень ясно осо-

знала всю бессмысленность своей жизни. Отец был совершенно прав, война – это следствие, а не причина. Война – это кулачная расправа тех, кому не хватило дипломатичности. Война – это бессмысленная гибель людей. Огромного количества людей. Но для политики это всего лишь цифры, убитых столько-то, раненых столько-то, пропавших без вести столько-то. Война – это черствый, окаменелый кусок хлеба, который не помнит теплого солнца, который грел колос с зерном, не помнит дождя, который питал корень. Одна смерть на войне, это всего лишь одно потерянное зерно из одного колоса. Это пыль, капля в море. Но ведь смерть одного единственного человека, это трагедия для его семьи, родителей, любимых и близких, друзей. Это трагедия и для самого человека, нет смерти глупее, чем случайной смерти на войне. Люди это всего лишь разменные монеты, шестеренки в гигантском механизме политики. Лена вспомнила деда, он был ветераном Великой Отечественной. Он пошел на войну в пятнадцать лет, и он вернулся домой. Пятнадцатилетний ребенок прошел всю войну, все годы службы он был сапером, и он остался невредимым. Он гнал немцев до самого Берлина. Он настоящий герой. Освободитель. Он никогда не рассказывал о войне, сколько Лена ни просила. Дед был весьма замкнутым человеком. Но в нем без каких-либо слов чувствовалось то мужество, которое присуще человеку, прошедшему через такое, та внутренняя сила, непоколебимость, патриотизм. Они воевали не за политику, и даже не за свои дома и семьи, они воевали за свою страну. Они знали, что если они не отвоюют свою землю, ту землю на которой родились и выросли, то им просто некуда будет возвращаться. Они боролись за свое, а у русского человека не так-то просто что-то отнять. Ветераны Великой Отечественной были героями... не то, что нынешнее племя, богатыри – не вы... Кто сейчас наши солдаты? Разменная монета? Шестеренки? Сильные мира сего меряются членами, а умирают простые солдаты и простой народ? Нет. Лена знает, как обстоят дела на мировой арене. Президенты такие же пешки, только другого уровня. Кто сталкивает их лбами? Кукловоды. Шайка тех, кто владеет нашим миром. Ради чего? Ради власти и денег. Так было всегда. Но раньше у человека было самодостоинство, сейчас ничего. Человек обнищал умом и стал походить на крысу. Раз так много страшного стало происходить в мире, то шайка кукловодов утрачивает контроль. А у тех, кому не хватило дипломатичности путь один – война. Лена вдруг подскочила с камня, схватила ведра и побежала домой. Она накинулась на Виталика с поцелуями, говорила, что бросит все это к чертям собачьим, что они будут жить тихой спокойной жизнью, и им будет хорошо на одном месте. Виталик лишь улыбался и кивал головой.

Прошел месяц, они могли возвращаться домой, но Виталик не спешил уезжать. Лена заметила в нем перемену, со стороны всегда видно, когда человек влюблен, и Лене казалось, что из-за всего происшедшего Виталик вновь воспылал чувствами к ней. Но она ошибалась. Он воспылал чувствами к Лейле, и чувства их были взаимными. Когда вопрос об отъезде уже встал ребром, Виталику пришлось рассказать о романе с Лейлой, что он остается здесь и женится на ней, что пару дней назад Лейла сообщила ему, что беременна. Никогда в своей жизни, и ни к одной женщине он не испытывал таких чувств. Рядом с Лейлой он был как дома. Впервые в жизни ему не хотелось куда-то бежать и что-то доказывать. Проблемы мира перестали быть и его проблемами. Он понял, как сильно он ждет этого ребенка, и что в клочья разорвет любого, кто приблизится к нему и Лейле с плохими намерениями. Он извинялся перед Леной, и действительно чувствовал себя виноватым, но какой в этом толк? В тот же день Лена уехала в Москву.

На работе Лена взяла отпуск без содержания, главный редактор не был против этого, и всячески пытался поддержать ее. Слухи разлетаются очень быстро, они опередили даже саму Лену, и войдя в редакцию журнала сразу по возвращении, она заметила сочувствующие взгляды. Да кто они вообще такие чтобы жалеть ее?! Даже хорошо, что так все обернулось, потому что теперь у нее на шее нет калеки, и она может распоряжаться своей жизнью как ей угодно. Когда злость прошла Лена впала в депрессию. Ей было бесконечно жаль упущенного

времени, ведь полжизни прошли впустую. Ольга Сергеевна говорила ей, что ничто не бывает зря, и что все, что с нами происходит это уроки, это наш опыт. Нужно просто научиться не повторять прошлых ошибок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.